

18+

Сбитнева Светлана

ЛАБИРИНТЫ

Светлана СБИТНЕВА

Лабиринты

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Сбитнева С.

Лабиринты / С. Сбитнева — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Роман о любви, и только о любви. Все немислимые сюжетные линии, загадочные главные герои, странные или даже зловещие стечения обстоятельств доказывают одну неоспоримую вечную истину: любовь творит этот мир, любовь этот мир губит и она же его спасает. И только сердце, способное на любовь, постигнет все сокрытые ею тайны...

Содержание

ГЛАВА 2.	9
ГЛАВА 3.	16
ГЛАВА 4.	18
ГЛАВА 5.	21
ГЛАВА 6.	24
ГЛАВА 7.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

«Этот мир не может удивлять бесконечно. Его тайны недостижимы, если ты не сумел подобрать ключик, который распахнет перед тобой мир удивительный и прекрасный, бесконечный и настоящий. Если ты не знаешь, где волшебная дверца, ты погрязнешь в серой повседневности, утопишь свою душу в болоте отчаянья и безысходности, потеряешь себя и навеки сотрешь свое имя с полотна Великой Вселенской Истории. А где же искать этот ключик? Здесь, сейчас. Замри на мгновение и загляни в свое сердце, спроси у своей души. Слышишь этот невесомый шепот? Чувствуешь этот легкий трепет у себя в груди? Это и есть Великая Тайна, рассыпанная мириадами крупиц по сердцам людей, чтобы ее мог приобщиться каждый, но чтобы только достойный смог правильно истолковать ее имя, таинственное имя Любовь».

Александр Рисс

ГЛАВА 1.

1999 год. Россия, Новосибирск.

Утренний влажный воздух неприятно лип к щекам молодого человека, шедшего в столь ранний час на работу в НИИ ядерной физики. Молодой человек морщился и сильнее вжимал голову в плечи, стараясь защититься от октябрьской холодной поземки. Он приподнял голову на секунду, разглядел, что до здания НИИ остается каких-нибудь двести метров, и прибавил шаг.

Молодого человека звали Алексей, или, если по всем правилам, Алексей Иванович Филле. Такой странной фамилией он был обязан своим австрийским корням.

Серое мокрое от ночного дождя строение встретило его безлюдным молчанием – к семи утра помимо молодого человека на работу являлся только сторож, и то потому, что ночевал непосредственно на рабочем месте.

Молодой человек приблизился к проходной, кивнул сторожу и расписался в книге. Сторож, зевая, стал что-то говорить.

– Что? – машинально переспросил молодой человек.

– Я говорю, Настя просила передать, что крыс не покормила.

Алексей Иванович нахмурился. Сегодня был очень важный день, а халатность студентки-практикантки Анастасии уже во второй раз ставила под сомнение точность проводимого им, Алексеем Ивановичем, в стенах этого НИИ ядерной физики эксперимента. Конечно, понять, что делали в этом НИИ крысы и какое отношение они могли иметь к ядерной физике, не просто, но они совершенно точно это отношение имели! Алексей вздохнул. Все-таки из женщин (а из молодых вихлястых практиканток особенно) выходят совершенно никудышные ученые.

Лифт неприятно клацнул железной дверью и со скрипом потащил Алексея Ивановича на нужный восьмой этаж. Кабина стала замедляться и, наконец, подползла к этажу. Физик опасливо огляделся и вышел в темный освещенный одной только дежурной лампой коридор. Здесь тоже было холодно. Наверное, на ночь забыли закрыть окно, возле которого курят сотрудники, вот и наморозило. И точно: одно из окон в конце длинного усеянного рядом одинаковых безликих дверей коридора зиял серый матовый прямоугольник грязного, в тучах, октябрьского неба. Алексей подошел и рывком закрыл массивную раму, после чего потер озябшие ладони одна о другую и вставил ключ в замок одной из дверей.

Нащупав выключатель и включив раздражающе яркое электрическое освещение, он тут же подошел к клетке с подопытными крысами. Три упитанных белых грызуна сонливо поморгивали на него своими красными глазками. Привычными хорошо отлаженными движениями ученый ощупал каждое животное, внимательно осмотрел брюшки, после чего взвесил на спе-

циальных весах и насыпал в их миски зерновую смесь. Крысы лениво понюхали угощение, но никакого нетерпения не проявили: в это холодное утро просыпаться было сложно.

Крысы были в лаборатории неслучайно. Несколько месяцев назад Алексей Иванович Филле, успешный и многообещающий физик-ядерщик, получил законное право на проведение несколько необычного эксперимента. Он занимался изучением того явления, в вероятность которого в этот беспокойный 1999 люди охотно верили, потому что в эти годы люди были готовы со всей серьезностью верить в чудеса (особенно после того, как опыты с клонированием принесли первые ощутимые результаты), если эти чудеса помогут им занять передовые позиции в сфере науки и обеспечить родную страну подобающим престижем. Эксперименты, порой самые нелепые и невозможные, находили своих сторонников в совершенно неожиданных областях, деньги поступали, часто скрыто, на нужды подающих надежды исследователей. И далеко не всегда эти нужды оплачивало государство.

Алексею повезло. Он попал в НИИ и сразу сумел привлечь к себе как к специалисту внимание. Прошло еще немного времени, и его давно зревшие мысли, больше подходящие для фантастического романа, стали известны кое-кому из сослуживцев, нашлись выходы, поступили рекомендации и заверения, и вот Алексей уже имеет несколько свободных часов в день и круглосуточный доступ к лаборатории и аппарату – максимально приближенной имитации коллайдера.

Идеи, которыми так активно заинтересовались ученые-коллеги Алексея, были связаны с теорией телепортации, или, другими словами, перемещения тел в физическом пространстве. Он собирался доказать, что любое живое существо можно переместить в пространстве живым и относительно невредимым. Он основывался на теории внутреннего стержня в организме (который был склонен называть душой, придавая тем самым совершенно новый смысл религиозному понятию). Наличие стержня предполагало возможность не только «снять» то, что было на этом стержне, но и «вернуть» все это обратно. В схемах процесс перемещения напоминал детскую пирамидку с несколькими цветными «бубликами», которые можно снять и потом снова расположить на палочке в правильном порядке. Коллайдер должен был, в его теории, осуществить процесс «снятия», а душа, обладая естественными качествами, должна собрать все разрозненные элементы вновь вокруг себя. Крысы были первыми запланированными «путешественниками в пространстве». А то, что практикантка несерьезно относилась к своим обязанностям, нарушало эксперимент и сдвигало его сроки: для точности расчетов были необходимы скрупулезные наблюдения, поскольку от массы тела и биохимического состава крови зависел результат и качество перемещения.

Первый эксперимент был запланирован несколько месяцев назад на сегодня, когда никого из сотрудников не будет в лаборатории как минимум до обеда из-за проводимой конференции, но теперь ему придется провести час, если не больше, внося изменения в расчеты и корректируя формулы. Но досадно было не то, что придется провозиться лишний час, а то, что новые формулы могут быть не такими точными, потому что каждый показатель, меняясь на совершенно незначительную, ничтожную величину, влек за собой ряд довольно существенных изменений.

Молодой человек глубоко вздохнул и только теперь снял пальто. Нужно было настроиться на работу, и поэтому он зашел в небольшую каморку, должную исполнять роль гардероба-кухни-комнаты отдыха, и включил в розетку кипятильник.

Пока грелась вода, он позволил себе несколько расслабиться и отвлечься от мыслей о расчетах. За окном уже все сделалось светло-серым, стали чаще пробегать вдалеке люди. НИИ находился на отдельно огороженной территории; колючая проволока оведала массивный каменный глухой забор почти по всему периметру. Кое-где территория была заброшенной, и полуразрушенные здания в этот тихий час пугающе поблескивали битыми стеклами. Справа,

за забором, хорошо была видна проезжая часть, далекие жилые дома и автобусная остановка, расположенная напротив перелеска.

Сегодняшний пейзаж мало отличался от того, что привык видеть Алексей: привычная тоска стала скрести его изнутри, и он поморщился. Надежды на будущее еще не оформились в его душе в честолюбивые амбиции, но он уже чувствовал, что не сможет удовлетвориться обычной среднестатистической жизнью. Где-то в глубине kloкотало и отчаянно рвалось наружу желание чего-то большего, светлого, отличного от этих серых октябрьских будней, от этого ядовитого света электрических ламп, от нерадивых коллег и вечного страха жить не как все.

Алексей был симпатичным молодым человеком: светлые волосы, четко обрисованные черты лица, волевой подбородок, внимательный несколько равнодушный взгляд зеленых глаз делали его похожим на героя женского романа. Он не был чересчур накачан, но высокий рост и немного болезненная худоба делали его еще привлекательнее. При желании он мог рассчитывать на определенный успех у женщин, но его сердце было прочно закупорено против вторжения всякой сентиментальности. Сейчас он считал женщин лишь пустой тратой времени. Со старших классов школы он выбрал для себя другую стезю – не чувственного, а фактического знания. Может быть, все началось с того, что классе в девятом, поддавшись тенденциям времени, он пробовал все эти «шуры-муры», но ему, по его же собственным словам, не понравилось, и с тех самых пор наука обрела в его лице преданного и трудолюбивого последователя.

В чашке забулькало. Алексей насыпал прямо в чашку щепотку чая, бросил кубик сахару и помешал гнутой алюминиевой ложкой.

Следующие два часа прошли в вычислениях и перерасчетах. Он взвешивал крыс, брал кровь на анализ, вносил необходимые изменения в формулы и таблицы, проверял и перепроверял вычисления, смешивал что-то в колбах, подносил капли к микроскопу, снова вносил изменения, снова перепроверял. Лаборатория наполнилась едкими запахами препаратов, а высокий лоб ученого покрыла испарина. Наконец, он отстранился от стола и глубоко вздохнул: нужно было начинать эксперимент. Он вытащил двух крыс из клетки и поместил в специальный поддон. Потом он открыл массивным ключом железный несгораемый шкаф и вынул оттуда какой-то прибор. Все это предстояло снести в подвал, где и был установлен аппарат.

Лаборатория не имела настоящего коллайдера, но была снабжена его качественной относительно небольшой копией. Алексей (без ведома коллег) доработал аппарат, и теперь тот обладал достаточной мощностью для проведения опыта над живым существом с маленькой массой тела. Аппарат зажужжал, оживая. Алексей несколько минут следил за его подготовкой. Когда загорелась зеленая лампочка, сообщившая, что аппарат набрал достаточную мощность, Алексей вернулся за крысами. Он взял одного грызуна, ласково погладил по голове.

– Вот, Дорис, твой звездный час, – тихо сказал он. Крыса лишь радостно повела в его сторону носом.

Ученый надел специальные очки, перчатки из толстой резины, защитный халат и вошел с Дорис в помещение с аппаратом.

– Не бойся, тебе будет совсем не больно.

Крыса тихо пискнула, когда он сажал ее внутрь и закрывал герметичный люк. Потом он подошел к пульта управления и начал отсчет. Основной рычаг, расположенный в центре приборной панели, плавно подался вперед при счете «раз». Когда он досчитал до пяти, аппарат гудел так громко, что у Алексея на мгновение заложило уши. На счете «шесть» он резко рванул рычаг до упора. Гул пробежал по всему его телу сильной вибрацией, словно ток. В глазах потемнело. Свет замигал и, вспыхнув, погас. Гул превратился в визг, ученый потянулся, чтобы заткнуть уши. Снова вспышка, электрический разряд, похожий на молнию в трансформаторе Тесла, и вдруг все прекратилось. В помещении было темно и тихо. Ученый ошарашено водил руками вокруг себя, стараясь нащупать аварийный выключатель. Он стал приходить в себя и понял, что до сих пор оглушен. Он потряс головой, встал на ноги: правое ухо стало понемногу

обретать слух. Наконец, ему удалось нащупать на панели нужную кнопку: комната наполнилась приглушенным светом двух длинных ламп.

Внешне следов взрыва не было: все было на своих местах. Но перебой с электричеством отключил аппарат, и теперь тот лишь жалобно шелкнул какой-то из своих перегретых частей. Осторожно Алексей подошел к люку и заглянул внутрь, но разглядеть ничего не смог. Тогда он собрался с духом и рывком открыл люк. Из отверстия тут же дохнуло горячим влажным воздухом. Алексей заглянул внутрь и едва сдержал вскрик: внутри сидели две абсолютно на первый взгляд одинаковые крысы, живые и, казалось, совершенно не смущенные случившимся.

Дальнейшее Алексей помнил смутно. Все еще оглохший после эксперимента он, как в чаду, подхватил крыс и понес их в лабораторию. Он долго их ощупывал, взвешивал, осматривал, брал пробы слюны и крови. Он не заметил, как пролетело время, и когда Настя вошла в лабораторию и положила руку ему на плечо в знак приветствия, он чуть не лишился чувств.

– Еще одна крыса? – словно издали услышал Алексей ее вопрос. Вместо ответа он лишь неуверенно кивнул.

– А как на Дорис похожа! Смотрите, и пятно на холке, и вот, черный ус на морде. Только эта крыса словно помоложе. Как Вы их подобрали: прям Дорис настоящая и Дорис год назад. – Настя улыбнулась.

Все еще не пришедший в себя ученый с недоумением смотрел на сотрудницу: как он сам не догадался? Перемещение совершилось, но оно вернуло Дорис из прошлого, материализовало ее в настоящее!

Алексей почувствовал, как сознание его замутняется. Где-то далеко прозвучал испуганный голос Насти, у самого его носа запахло чем-то едким.

ГЛАВА 2.

2014 год. Австрия, Вена.

Микки Карлайкл с трудом разлепил тяжелые веки и непонимающе уставился на белый потолок. Остатки сна и воспоминания прошлой ночи отдельными картинками мелькали перед раскрытыми глазами. Справа от него раздался приглушенный стон. Микки слегка повернул голову, чтобы не вызвать приступа похмельной дурноты, и не смог сдержать улыбки: рядом на его большой двуспальной кровати (пожалуй, слишком большой для его скромной квартирки а жилом районе Вены) возлежало доказательство того, что ночь прошла на ура. Длинная красивая блондинка приподняла голову от подушки и плавно, нарастающе, сказала:

– Мик, мне плохо.

Она подтянула к себе длинную худую ногу, простыня сползла, и взору Микки открылось восхитительное зрелище. Гостья обладала невероятными формами, а ее гладкая немного смуглая кожа так аппетитно обтягивала упругие бедра, что Микки невольно сглотнул слюну.

– Давай я принесу аспирин, – заботливо предложил он, смутно надеясь, что блондинка откажется, и он сможет еще какое-то время не шевелиться. Но девушка застонала в знак одобрения, и Микки пришлось быть джентльменом. Он на секунду прикрыл веки, поворачивал глазами, после чего вздохнул и рывком сел на кровати.

Дорога до кухни хоть и была недолгой, но обещала быть сложной, о чем тут же уведомил вестибулярный аппарат хозяина. Постанывая и, как ему почему-то казалось, поскрипывая, Микки проковылял через небольшую гостиную, совершил вынужденную остановку у дивана, и попал, наконец, в кухню. Стол, занимавший по меньшей мере половину кухоньки, пришлось как нельзя кстати – Микки мог опереться на его приятно прохладную поверхность и без потерь добраться до кухонного шкафчика.

Аспирин зашипел в стаканах, и он невольно поморщился. Опрокинув свой стакан и предвкушая хоть малейшее облегчение, он понес второй стакан страдающей подруге.

Блондинка приподнялась на локтях и смотрела на неспешно приближающегося Микки ничего не выражающими глазами. Ее высокая гладкая грудь едва помещалась за крошечной маечкой на бретельках. Несмотря на злостное похмелье, тело Микки отлично знало, что делать: отключить мозг и включить управление автопилотом.

Девушка с жадностью проглотила снадобье и хотела уже опрокинуться на подушку, как заметила не совсем безобидные намерения Микки. Возмутиться ей не позволил долгий требовательный поцелуй, за которым последовало захватывающее продолжение минувшей ночи.

Когда Микки снова открыл глаза, часы на прикроватной тумбочке показывали половину первого. Его обаятельная собеседница сладко посапывала на своей половине кровати. Он поправил простыню, не преминув погладить изящно изогнутую спину, и осторожно выбрался из кровати.

Затем протопал в ванную, где фыркнул и отдувался минут восемь, за которые окончательно проснулся и привел себя в человеческое состояние. Закончив с водными процедурами, он взглянул на свое отражение в зеркале, дурашливо показал появившейся там мордахе язык, за что тут же получил жгучим лосьоном по только что побритым щекам.

Из шкафа в спальне он достал растянутую футболку с комиксом и натянул джинсы, из-за обилия дырок и прорезей больше напоминавшие лохмотья. Микки любил так одеваться: субкультурно, рок-н-рольно, свободно. Обе его руки от запястья до ключицы были покрыты цветными татуировками с изображением каких-то диковинных зверей, надписей, символов и скелетов. Был даже вытатуирован кусок газетной статьи, срисованной с номера «Таймс», когда там лестно отзывались о группе «Бэнд ов лайверс», в которой Микки был барабанщиком. Воз-

можно, этим он обязан обществу до неприличия сексапильной блондинки, оказавшейся такой падкой на достаточно известных музыкантов. На спине тоже были татуировки, но над ними работа еще была в разгаре. Пирсинг Микки не признавал, и единственное вкрапление металла, на которое он согласился, была маленькая серебряная серьга колечком в левом ухе. Взъерошив мелированные пшеничные волосы, Микки зевнул и прошел на кухню, следуя велению настойчиво заурчавшего живота.

Готовить Микки не любил, но в условиях его холостяцкой жизни ему приходилось следовать велениям плоти и, пусть изредка, но заниматься пищей. Пищей он называл полуфабрикаты. В соседних с домом забегаловках и ресторанчиках он пополнял запас углеводов и других питательных веществ раз в пять чаще, чем в стенах родной кухни, но даже такая нечастая необходимость возиться с готовкой угнетала его избалованную ленью душу. Бывали минуты, когда он всерьез подумывал о том, чтобы переложить заботы о пропитании на плечи разумной и старательной хозяйки, но к своим тридцати двум годам так и не отважился жениться или завести более-менее постоянные отношения.

Нет, Микки отнюдь не был затворником, и симпатичные подружки, способные изобрести нечто большее, чем банальный сэндвич, толпами проходили через его жизнь, но задерживались в основном в спальне, редко, в исключительных случаях, добираясь до кухни. Что же касается любви, которая могла бы обеспечить Микки сносное домашнее питание, то этого несчастья ему каким-то чудом удалось избежать, о чем еще ни разу он не пожалел. Его жизнь не омрачалась отупляющей бездеятельностью, вызванной разбитым сердцем, ему не приходилось решать проблемы и выяснять отношения, он мог разбрасывать свои носки, футболки и коробки от пищи по всей квартире совершенно безнаказанно.

– Бутерброд, – словно разыскивая его в готовом виде, тихо позвал Микки, но холодильник встретил его пугающей пустотой. В последнюю неделю он так увлекся празднованием удачного окончания крупного расследования, что ни разу не был в магазине.

Расследования составляли основной источник его дохода, в то время как в группе он играл скорее для удовольствия. Да, по странному стечению обстоятельств этот одетый как подросток молодой повеса-музыкант, любящий всевозможные тусовки и не забывающий затащить в свою постель любую пышногрудую красотку, обладал редкими способностями вести расследования. Он работал на себя, получая заказы от друзей друзей довольных клиентов или непосредственно от тайной государственной организации. Ему нельзя отказать в профессионализме: он овладел своим ремеслом в совершенстве.

Много лет назад, еще будучи простым российским школьником Мишей Коноваловым, он выдумал себе детскую фантазию стать частным детективом. Долгие годы он лелеял свою мечту, набирался опыта из детективов, которые прочитывал тоннами ночами под одеялом, подсвечивая старой горячей лампой, потом из сериалов, откуда почерпнул сведения о тех областях, в которых ему предстоит, как частному сыщику непременно высокого ранга, разбираться досконально. Невинное детское увлечение переросло в хобби и стало больше походить на манию. Ничего не подозревающие родители отпускали сына-старшеклассника с гордым трепетом в библиотеку, будучи совершенно уверены, что сын штудирует материалы для поступления в престижный вуз. Они мечтали, что Миша – прирожденный историк – пойдет по намеченному родителями пути. Родители – оба уважаемые профессора истории, отмеченные стипендиями и благодарностями за исследования – желали и для сына ученую будущность. Но отпрыск обманывал ожидания родителей, и вместо того, чтобы копошиться покрытые вековой пылью дряхлые толмучи, бессовестно зубрил наизусть юриспруденцию, доступные издания по криминологии, трактаты психотерапевтов, которые описывали свою нелегкую работу с преступниками, учился логике и всячески развивал в себе наблюдательность, украдкой докапываясь до невероятных подробностей личной жизни соседей, одноклассников и учителей.

Судьба была более чем благосклонна к Мише, а его святая вера в правильность выбранного призвания не позволила сдаться под натиском родительских увещаний. Родители, воспитанные советским режимом и хлебнувшие тягот во время перестройки, твердо уверились в мысли, что жизнь должна быть непременно наполнена трудностями, что если что-то дается без усилий, это преступно и неправильно. Они внушали единственному ребенку, что его будущность будет обречена на борьбу с суровой действительностью, что ему придется каждый кусок хлеба оплатить непрестанным трудом, и только тогда, когда он испытает на себе все тяготы жизни, он сможет стать порядочным человеком. Но вопреки всему этому Миша пошел за своей «бредовой» мечтой. Он поступил на юридический факультет не самого престижного вуза и отвоевал таким образом себе больше свободного времени. Поступать в школу милиции он не думал никогда – в его голове был выгравирован образ идеального детектива, многократно приукрашенный заботливыми авторами, но тем не менее сохранивший в себе человеческие черты.

Помимо незаурядных мыслительных способностей чудо-сыщик должен уметь постоять за себя, поэтому Миша стал усердно заниматься борьбой. На руку было и то, что в детстве он посещал секцию карате, что сыграло большую роль в его дальнейшей подготовке к опасной будущей профессии.

В студенческие годы Судьба подбросила ему отличный шанс: он оказался случайно замешанным в один скандал, умело и красочно сумел изложить материал и продал его небольшой газете. Спустя несколько месяцев это же издание предложило ему провести свое расследование – за мизерные гроши, разумеется, но Миша с радостью ухватился за этот шанс и не ударил в грязь лицом. Дело сдвинулось, Миша стал подрабатывать и проводить журналистские расследования более-менее регулярно. Конечно, в этих расследованиях не было остроты, ощущения риска, собственной крутости, но это было уже что-то.

А потом случилась эта история. Микки ежился каждый раз, когда вспоминал о том, что ему пришлось пережить. Из-за того случая ему пришлось оставить родную страну и перебраться из Москвы в Вену, поменять документы и начать другую, странную, но очень даже сносную жизнь в шкуре Микки Карлайкла.

* * *

Микки тогда искал материал для, как он сам выразился, ударного репортажа. Как представитель газеты, в которой он публиковал свои статьи, Микки отправился с гуманитарной помощью в один из детских домов. Там он поддался врожденному любопытству и, пока руководители, заведующие и нянечки рассыпались в благодарностях, он как бы ненароком заинтересовался статистикой усыновлений и удочерений. Разговорчивая директриса призналась, что найти ребенку новый дом очень сложно, что лишь единицам везет обрести новую семью, но, к счастью для ребятишек, есть такие «благороднейшие и замечательнейшие люди», как Евтеева Надежда Дмитриевна.

– Вот уж поистине доброе, золотое сердце! – с чувством воскликнула директор и прижала руки к груди.

– А что, она часто помогает вашему приюту? – заинтересовался Микки.

– И нашему, и другим. А сколько она детишек взяла на воспитание! И все самых безнадёжных – взрослых очень сложно пристроить, все малышей хотят. Из нашего она взяла одного ребеночка, девочку одиннадцати лет, с пороком сердца. – На глазах женщины появились слезы. – Таких никогда не берут, потому что такие детки могут до совершеннолетия не дотянуть. А кому же хочется обрести радость материнства и приучать себя к мысли, что это всего лишь на несколько лет? Извините, – Ольга Васильевна отвернулась и промокнула глаза кончиком салфетки.

– И что же, Надежда Дмитриевна взяла эту бедную девочку к себе?

– Взяла. Как узнала про ее болезнь, так даже думать не стала. «Пусть, говорит, хоть детство у меня ребенок нормальное увидит».

Микки наморщил лоб.

– Скажите, а много у нее взятых из приютов детей? А свои дети есть? – журналист внутри Микки активировался как по команде.

– Нет, своих детишек у нее нет, но она деточек любит. Муж ее, я знаю, гостиничным бизнесом занимается – у него своя гостиница. Доход у семьи приличный, поэтому они могут позволить себе воспитать нескольких детей. Всего, если не ошибаюсь, они семерых взяли. Это вместе с нашей Дашей.

Из груди женщины снова вырвался тяжелый вздох.

Микки пожевал губами. Приемная мать-героиня – из этого может кое-что получиться. И ведь статья на эту тему поможет привлечь внимание к детям-сиротам. Глядишь, и брать приемышей чаще станут.

– Ольга Васильевна, я бы хотел написать об этой женщине статью в нашу газету. Может, ее пример вдохновит другие обделенные детьми семьи, все-таки у нашей газеты большой тираж.

– Ой, да, как Вы правы! – Ольга Васильевна не справилась с эмоциями и заломила руки. – Таких примеров должно быть больше!

Она рассказала, каких детей и примерно в какое время Надежда Дмитриевна забирала к себе, дала адрес детского дома, из которого она забрала шестерых. Микки попрощался с директором и решил в этот же день ехать в другой подмосковный город в детский дом «Солнышко» и собирать информацию. Он позвонил в газету, сообщил о своей идее. Редактор пришел в восторг. Микки сел в свой, тогда еще не тюнингованный, заграничный кроссовер средней базовой комплектации и вдавил педаль газа.

Детский дом с незамысловатым названием «Солнышко» находился по современным меркам в глуши. Несколько совсем небольших, но, надо отметить, вполне добротно построенных деревянных домиков, в каждом две комнатки на четверых или шестерых. Директор, или, как она сама себя отрекомендовала, воспитатель Надежда встретила Микки тепло и ответила на все его вопросы, попутно даже показала все их нехитрое хозяйство.

На территории детского дома был огород, и дети имели каждый свои обязанности на этом небольшом кусочке земли. Удивило Микки то, что им эти обязанности не только были не в тягость, но и нравились: они чувствовали себя взрослыми и ответственными, им нравилось помогать «бабе Наде». Были у бабы Нади и еще помощники: ее собственная дочь, тихая миловидная женщина лет тридцати, старушка, перешедшая к ним из соседней деревни и девушка лет семнадцати, которую не пристроили в семью, но баба Надя сумела оформить над ней опеку и оставить у себя.

О Надежде Дмитриевне ее тезка сказала на удивление немного и, вопреки ожидаемому, в ее голосе не слышалось никакого восторга.

– У нас здесь детишек не то, чтобы много, человек в среднем двадцать. Усыновляют, к счастью, часто, в основном свои же, из соседних деревень. Быт у нас отлажен, мы стараемся жить с детишками по-семейному. Я тут баба Надя, строгой дисциплины у нас нет, но и детки хорошие, с детства к труду и помощи по хозяйству привычные – всякому старику в деревне опора. Надежда Дмитриевна вроде тоже говорила, что у нее пусть и много деток, да живут они дружно.

Когда Микки сообщил о своем желании привлечь к фигуре Надежды Дмитриевны внимание, баба Надя по-прежнему не проявила особого интереса.

– Я в это вникать не хочу, потому что не мое это дело, – со вздохом сказала она. – Как да что там – Бог знает, только я людям не доверяю.

– А какое впечатление произвела на Вас лично Надежда Дмитриевна?

– Какое может быть впечатление? Помогает сироткам, и ладно. Кормит, поит – и на том спасибо и поклон ей низкий. – Она замолчала и уставилась взглядом в пол.

– Но слишком она приторная всегда, аж тошно.

– А с взятыми детьми Вы не связывались потом?

– Звонили, как не звонить. Да все в один голос заладили свое бесцветное «хорошо, баба, хорошо», все как один, – баба Надя покачала головой.

Микки насторожили ее слова – что-то не нравилось воспитательнице в этой добродетельной мамаше. К счастью, телефоны и адреса как дома, так и гостиницы, Надежда дала.

Обитала мать-героиня в весьма престижном районе Подмосковья. Не Рублевка, но тоже вполне себе ничего. Дом большой, из кирпича и дерева. Микки с полминуты осматривал массивные кованые ворота в поисках звонка, который обнаружился в итоге сбоку на современном селекторе. Грубоватый женский голос спросил «Кто там?». Пришлось сказать правду, потому что придумать что-то заранее Микки не сообразил, хоть и подозревал, что репортеру дама обрадуется вряд ли – естественная человеческая реакция.

Калитка пискнула и отстала от косяка. Входная дверь больше подошла бы особняку или фамильному поместью, чем двухэтажному загородному дому. Чувствовалось незнание меры и неоправданное стремление к роскоши. Дверь отворилась, и на пороге появилась, скорее всего, сама хозяйка.

Надежда Дмитриевна оказалась женщиной лет сорока с небольшим. Ухоженная крашеная блондинка, немного полноватая, с выцветшими светло-кариими глазами, которые смотрели властно и придавали лицу хищное выражение. Нос с горбинкой и искривленные гримасой, должной, очевидно, изображать улыбку, губы еще больше усиливали сходство с хищной птицей.

– Что Вы хотели? – спросила она с порога. Внутри дома она гостя не пригласила. Микки в двух словах обрисовал ей цель своего визита.

– Знаете, мне не кажется, что я делаю что-то сверхъестественное. Я просто имею возможность помочь бедным малюткам, – на мгновение Микки показалось, что она готова всплакнуть.

– Мой муж держит гостиницу, – продолжала женщина снова спокойным голосом, – и мы живем на эти деньги.

– А чем Вы занимаетесь? Наверное, у Вас совсем не остается времени на то, чтобы заниматься чем-то помимо дома, все-таки семь детей...

Она помедлила, прежде чем ответить, и обожгла Микки ехидным взглядом, как будто уловила в его словах сарказм. Микки смотрел невозмутимо.

– У меня своя линия одежды, – холодно ответила женщина и скрестила руки на груди, как бы обороняясь от возможных вопросов.

– Может быть, Вы все-таки подумаете об интервью? Мы считаем, многих бы вдохновил Ваш пример.

Женщина принужденно засмеялась, отчего ее лицо приобрело еще более хищное выражение.

– Позвольте, я подумаю.

– Хорошо, давайте, Вы оставите мне свой номер, и я позвоню завтра, чтобы узнать Ваш ответ.

Надежда Дмитриевна улыбнулась и протянула Микки визитку из вазочки на стойке у двери. Он взял карточку и поспешил оставить эту совершенно не приятную ему женщину в покое.

В машине он внимательно посмотрел на визитку: размашистым почерком было выведено «Дизайнерская одежда Надин».

Дома он первым делом вбил в строке поиска название организации и зашел на сайт одежды. Цены на платья и другие предметы преимущественно женского гардероба нельзя

было назвать заоблачными – на такие доходы семерых детей точно не прокормишь, не говоря уже о содержании большого дома. Правда, Надежда не скрывала, что кормит их гостиница мужа. Микки нашел по адресу гостиницу. Обычный гостевой домик на десять номеров, четыре звезды, два люкса. Хоть отель и находился в столице, район не пользовался большой популярностью у туристов, потому что был не центральным. На всякий случай Микки отправил запрос своему приятелю из налоговой о заявленных доходах этого предприятия. Что-то вся эта ситуация с напускным благородством все больше и больше настораживала Микки. И как оказалось впоследствии, не случайно.

На следующий день женщина ответила на звонок не сразу и, сославшись на нездоровье и сильную занятость одновременно, перенесла встречу для интервью на неделю. Этой недели Микки вполне хватило, чтобы вывести мать-героиню на чистую воду.

Эта благополучная и солидная дама, как оказалось, строила свое благополучие на нелегальных и ужасающих обстоятельствах: она брала из детского дома относительно взрослых детей и заставляла их работать на себя в мастерской в сыром подвале своего дома. Естественно, дети трудились совершенно бесплатно. Она их запугивала, и именно поэтому бедные дети не могли во время телефонного разговора рассказать о своем положении. Больные дети, как одиннадцатилетняя Даша, были для нее находкой. Дети содержались в чудовищных условиях. Они шили одежду и обувь, чему их специально обучали. Им доверялось вырезать простые детали по шаблонам, а более сложные детали мастерили две наемные швеи, которые были в сговоре с главной предпринимательницей. Вещи продавались за границу под видом китайских, что-то (совсем немного) распространялось как вещи ее личной дизайнерской коллекции. Дамочка и ее сообщники имели с этого пухленький доходец. Поскольку усыновить значительное количество детей, достаточное для солидной мануфактуры, хозяйка не могла, она нашла способ договариваться с малоимущими семьями, которые брали ребенка и отдавали ей, после чего в срочном порядке меняли прописку и даже имена.

Когда Микки удалось собрать достаточное количество доказательств вины всех участников этого прибыльного бизнеса, дело получило невероятный резонанс в прессе. Его мусолили в эфирах новостных радиостанций, трансляции из зала суда заняли время нескольких телесериалов, не обошлось даже без небольшого митинга в поддержку сирот, которых, надо сказать, тут же определили в хорошие любящие семьи.

Но Надин не была готова смириться с таким потрясением. Она даже не ограничилась потоком отборной брани, выпущенной по его адресу в прямом эфире. Она нашла способ подговорить каких-то криминальных элементов (обзавелась связями за годы предпринимательской деятельности), и Микки чуть не отправили на тот свет. К тому времени Микки уже числился агентом Секретной организации, настоящее название которой, по понятным причинам, не приводится, и коллеги решили от греха подальше обеспечить репортера политическим прикрытием. Так он оказался за границей.

* * *

– Мииик, – послышалось из спальни. – Мик, дорогой.

Микки довольно прищурился и поспешил на голос. Блондинка проснулась и теперь сидела на кровати, обмотавшись простыней.

– Уже обед, красотка. Родители не будут тебя искать? – Он сел рядом с девушкой и провел пальцем по ее обнаженному плечу.

– Черт! – выругалась она, бросив взгляд на часы. – Меня ждут на собеседовании через час!

Она попыталась встать, но снова плюхнулась на постель, не сумев удержать равновесия. Микки встал и потянул ее за руку.

– Давай, детка, выметайся из кровати, а то мы рискуем проторчать тут неделю. – Он обнял девушку и притиснул к себе сильными накачанными руками. Захихикав, девушка, имени которой он так и не вспомнил, если вообще спрашивал, освободилась из его объятий и неуверенно двинулась в ванную.

ГЛАВА 3.

2014 год. Россия, Москва.

Кротов Сергей Анатольевич вышел из своей дорогой недавно купленной иномарки, нежно закрыл дверцу и, несмотря на свои внушительные габариты, легко двинулся ко входу в здание, украшенному красивым гербом с причудливой птицей. Дверь плавно качнулась, и так же плавно закрылась за проникшим внутрь Сергеем Анатольевичем.

Он деловито закивал в знак приветствия десяткам сослуживцев, бегущим на свои утренние совещания, натянуто улыбнулся строгой секретарше и нырнул в свой кабинет. Кабинет встретил хозяина сосредоточенной рабочей тишиной. Деревянные добротные панели тут же обступили Сергея Анатольевича, стоило ему разместить свою фигуру за столом – массивным дубовым сооружением, занимавшим добрую треть кабинета.

Сергей Анатольевич поерзал в кресле, устраивая свое тело поудобнее, промокнул платком наметившуюся лысину, почесал снова задержавшееся веко и посадил на нос тонюсенькие очки в почти невидимой золотой оправе. В завершение этого странного ритуала он издал отчаянный вздох, больше похожий на вопль смертельно раненого лося, и положил перед собой дорогой кожаный портфель с документами.

Но сосредоточиться на делах ему не дал деликатный, но достаточно громкий, чтобы его можно было проигнорировать, стук в дверь. Затем дверь приотворилась, и в проеме показалась серьезное лицо секретарши.

– Пришел Завральский. Говорит, что открылись новые обстоятельства дела...

Сергей Анатольевич не дал ей договорить:

– Зови! Зови! – замахал он нетерпеливо руками и начал протискиваться из-за стола. Его массивная шаровидная фигура, в округлости которой Сергей Анатольевич разумно винил нервы и сбившийся гормональный фон, оттеснила кресло.

Дверь снова отворилась, и в кабинет вошел высокий седовласый мужчина в дорогом с иголочки костюме и кипой бумаг под мышкой. Мужчины молча пожали друг другу руки, после чего Сергей Анатольевич небрежно махнул рукой в сторону свободного кресла и сам вернулся на свое место.

– Андрюша, говори! – потребовал Кротов и зафиксировал взгляд своих небольших пронзительных глаз на собеседнике. Тот начал без предисловий.

– Мои агенты выяснили, каким образом был взломан компьютер с документами. Некто запустил в компьютер файл с прикрепленным вирусом – разновидность трояна. Вирус не распознала защита компьютера, потому что эти шпионские программы в скрытом режиме не заметны антивирусным программам и не фиксируются брандмауэром, – Завральский говорил негромко, четко, быстро, словно читал по бумаге. Кротов внимательно слушал, хотя плохо представлял себе сложный компьютерный механизм. – Зараженный файл мог быть прикреплен к любому документу и отправлен по почте. Вирус проникает в систему при скачивании или простом открытии файла, и начинает копировать все документы с компьютера-цели по очереди. Скопированные документы он фиксирует в определенном месте в сети, где его может найти заказчик, который знает, где искать. То есть документы пропали не случайно, кто-то нанял настоящего профессионала, чтобы до них добраться.

Завральский замолчал, чтобы дать Кротову время переварить информацию. Сергей Анатольевич обмяк в кресле и интенсивно зажевал губами, что указывало на крайнюю степень сосредоточенности мысли.

Ситуация складывалась, мягко говоря, не очень. Несколько месяцев назад произошло нечто, что заставило все спец-группы СУ ФСБ по особо важным делам активизировать свои реальные и потенциальные силы: пропали (точнее, были скопированы) очень важные документы с исследованиями ведущих ученых в области ядерной физики. Несмотря на всю нелепость и кажущуюся невозможность ситуации, факт оставался фактом: исследования, связанные непосредственно с обеспечением национальной безопасности (да и более-менее прочного равновесия в мире, обусловленного разумным распределением сил) оказались под угрозой! Дело нельзя было придать огласке – это повлекло бы за собой массовую панику, но было необходимо установить, кому и зачем понадобились эти файлы.

Удивляло и то, как терпеливо вор выжидал удачного момента: файлы были скопированы с домашнего компьютера ученого. Забирать информацию и выносить ее из института, где проводились исследования, естественно, было запрещено. То, что оказалось в домашнем компьютере, было лишь малой толикой наработанного материала. Но и это, с другой стороны, настораживало: значит, укравший хорошо разбирается в подобных вопросах сам и сможет при желании восстановить недостающее. Факт пропажи обнаружился случайно: хозяин компьютера заметил, что с документа была сделана копия, но при этом точно помнил, что он никаких копий не делал. Подозревая утечку информации, он обратился к сотрудникам, отвечающим за безопасность компьютеров в институте. Они заподозрили вирус, тут же предупредили ФСБ.

Завральский потер руками веки и продолжил:

– Специалисты прикинули, каким образом можно выйти на компьютер, с которого был отправлен вирус. Не хочу утомлять Вас сейчас бессмысленными подробностями, но процесс трудоемкий. И не любому взломщику по силам. Здесь нужен настоящий хакер. А это уже целая отдельная культура. У них своя философия. Хакер – это своего рода гений, который занимается не пресловутым взломом (это обычные кракеры), а решением сложных задач. У нас нет таких людей – мы приравниваем хакеров к взломщикам и всячески защищаемся от контактов с ними.

Лицо Кротова стало еще грустнее.

– Что же делать, Андрюша? – тихо спросил он. – Может, если какие-нибудь внештатники, – с едва заметной надеждой в голосе спросил он.

Собеседник помолчал, потом ответил:

– Я уже думал об этом. Конечно, хакеров у нас на примете нет, но есть один человек, который может найти на них выход. Он сейчас живет в Вене, несколько лет назад он участвовал в одном нашумевшем деле – помог выйти на торговца детьми.

– А, это «дело о детях-рабах»? Там фигурировал какой-то журналист.

– Да. Журналист этот неслабо насолил их мафии, и ему пришлось даже уехать из страны и поменять имя, чтобы обезопасить своих родных и себя самого.

– А как он может нам помочь?

– Я не держу его за внештатника, чтобы лишний раз не подвергать его опасности обнаружения, но он выполняет для нас кое-какую работу. Он неплохо разбирается в компьютерах, раздобыть информацию или отследить компьютер по сигналу или IP-адресу для него не проблема. Но самое главное, у него есть нужные связи.

– Но он же в Вене, а мы в России. Как он сможет заняться этим?

– Через интернет. Поскольку утечка информации была через сеть, он сможет подключиться к расследованию. Ему доставят компьютер со всеми данными. Если необходимо, он придет сам – всегда можно придумать, под каким предлогом вызвать эмигрировавшего гражданина на первую родину. Да и может этого не понадобится.

Кротов посмотрел на Завральского долгим испытующим взглядом. Этому человеку, который уже восемь лет руководил спецгруппой по решению вопросов особой государственной важности, можно было верить.

ГЛАВА 4.

2014 год. Австрия.

Ветер дует с такой силой, что, кажется, сейчас мотоцикл под его неистовым натиском встанет на дыбы. Дженнифер улыбнулась приятному щекочущему под ложечкой ощущению и крепче прижалась к спине Уффе, почувствовав под своими руками его упругий пресс.

Уффе был невероятно красив. Когда Джен увидела его вчера в клубе, ее словно парализовало от удивления и смутного восторга: высокий, с ухоженной загорелой кожей, прекрасно сложенный, он создавал вокруг себя ауру вождения. Его аккуратно зачесанные назад темные волосы так и манили к ним прикоснуться, а белозубая улыбка словно поощряла это желание. И конечно же его глаза были удивительные: светло-серые, они искрились в свете прожекторов клуба и софитов, и одновременно с тем смотрели спокойно. Была в его взгляде и некоторая надменность, но именно она заставила ноги Джен подкоситься, когда этот невероятный мужчина приблизился к ней.

Они немного поболтали, причем говорил в основном красавец, потому что девушка могла только смотреть на него широко раскрытыми глазами и восхищаться, восхищаться, восхищаться... Потом новый знакомый нежно и уверенно взял Дженнифер за талию, короткий топик предательски задрался, и девушка почувствовала его сухую теплую ладонь на своей коже. С этого момента память ей изменила. Единственное, что она помнила, это невероятное желание обнять это большое упругое тело, прижаться к нему, почувствовать, как под загорелой кожей пульсирует кровь. Она не слышала, как Камилла настороженно пыталась отговорить ее ехать ночью к незнакомому мужчине, не слышала, как подруга попросила хотя бы оставить ей его адрес. Она помнила только нетерпеливый восторг, когда они неслись по ночному городу куда-то на север, и упоительное блаженство, когда она, наконец, получила возможность дотронуться до этого совершенства.

Сейчас они мчались по трассе. Утро застало их разморенными и довольными. Уффе должен был ехать по делам в город и, взяв у Джен номер телефона, предложил подбросить на своем мотоцикле. Она едва не вскрикнула от восторга. Что может быть лучше, чем проехаться с ветерком на мотоцикле, которым уверенно и властно управляет такой мужчина?! Только еще одна сумасшедшая ночь в обществе этого мужчины...

Мотоцикл набрал скорость, Уффе обернулся к Дженнифер что-то сказать, но из-за ветра и шлемов его слов не было слышно. Вдруг какое-то непонятное предчувствие кольнуло Дженнифер в области ребра, и через секунду все заволочло темной пеленой.

* * *

Когда перед глазами снова возникла картинка, первое, что она увидела, было голубое неприкрытое облаками небо, и озабоченное лицо незнакомца, склонившегося над ней.

– Слава Богу, Вы очнулись, – сказал мужчина как будто бы издалека: голос перекрыл странный шум в ушах.

– Что случилось? – хотела она спросить, но губы ее едва зашевелились.

Мужчина понял ее невысказанный вопрос и поспешил ответить:

– Вы попали в аварию, пару минут были в отключке. Сейчас все хорошо. Ваш молодой человек тоже жив. Скорая уже подъезжает: к счастью, мы рядом с крупным населенным пунктом.

Дженнифер немного успокоилась: все обошлось, они живы.

Скорая действительно подъехала через пару минут, погрузила девушку и молодого человека на носилки и разместила в разных фургонах. Пока врач осматривал ее, она немного пришла в себя и спросила первое, что беспокоило ее больше всего:

– А что с ним?

– С Вашим молодым человеком? Предположительно у него сломано ребро и сильные ушибы и ссадины. Судя по его состоянию, внутренних повреждений нет, скоро он поправится. Вам тоже повезло, – сказал врач после небольшой паузы, – переломов нет. Возможно небольшое сотрясение. Голова кружится?

– Не знаю, – честно ответила Джен, потому что понять, кружится голова или просто гудит и словно набухла, она не могла.

В клинике ее еще раз осмотрели, но ничего, кроме небольшого сотрясения, не обнаружили, поэтому через пару часов, сделав необходимые анализы, ей разрешили отправиться домой. Но Дженнифер не хотела уходить, не повидавшись с Уффе. Она узнала на ресепшн, в какую палату его поместили, и двинулась по коридору к лифту. На третьем этаже она не сразу разобралась, в какой стороне находится нужная ей палата. Она наугад повернула направо, прошла мимо нескольких дверей, но ни на одной из них не было номеров, только буквы и коды. Значит, это служебные помещения. Она обернулась, в поисках хоть кого-нибудь, у кого можно было бы узнать распорядок нумерации, но это крыло пустовало. Но где-то недалеко тихо разговаривали две женщины. Девушка сделала несколько шагов по коридору – голоса стали отчетливее и доносились из-за неплотно прикрытой двери.

– Результаты могут быть ошибочными, если он употреблял накануне алкоголь или наркотики, – сказал один голос.

– Хорошо, я попрошу срочный повторный анализ, – ответила собеседница. – Не стоит сообщать этому Уффе, ему и так досталось после аварии, подождем подтверждения.

– Угу, – одобрила другая. – В карте надо сделать помету, что он, возможно, ВИЧ-положительный.

Дженнифер остолбенела: ноги набухли и отказывались ее держать. Она делала несколько шагов на автомате, не замечая пути, вернулась к лифту, даже не взглянув на стоявшего на площадке мужчину, который не вошел в лифт следом за ней, и трясущейся рукой нажала кнопку первого этажа. словно загнипнотизированная, прошла она по коридору и потом в туалетную комнату. Ее тошнило. Она чувствовала, как ушибленное тело заныло, ей сделалось нестерпимо больно, и она опустилась на корточки, чтобы не потерять сознание. Прошло несколько долгих минут, прежде чем способность мыслить вернулась к ней.

– Надо добраться до дома, – тихо сказала она себе и постаралась встать.

Джен вышла из туалетной комнаты и поспешила к выходу. Медсестра окликнула ее, чтобы та забрала свою сумку и выписку, но Дженнифер не слышала ее. Она свернула в аллею, и тут почувствовала невыносимую усталость: ей хотелось сесть, но желание оказаться дома одной было сильнее, и она заставила себя идти дальше.

Невысокий светловолосый мужчина возник перед ней словно из-под земли. Несколько мгновений она оцепенело рассматривала его: мужчина был худощав, на вид ему лет сорок, но одет очень странно, не по годам вычурно. Черная рубашка со старомодным жабо, черные брюки, высокие сапоги с массивными серебряными бляшками, черный тяжелый плащ, несмотря на теплую погоду, скрывал его фигурку. В руках он держал трость, сильно стискивая пальцами набалдашник, а на каждом пальце красовался массивный черно-серебряный перстень со странными фигурами. На самом большом перстне девушка разглядела раскрытый птичий клюв, который держал, словно пытаясь проглотить, раскрытую розу.

Мужчина дал Джен справиться с испугом и заговорил тихим властным голосом:

– Дженнифер, – Джен почувствовала зловещий холодок под сердцем, – я знаю, в какой ситуации ты оказалась. Молчи, не спрашивай, – мужчина предупредил ее реплику направленной на нее ладонью, – просто знаю. И я могу тебе помочь.

– Но, – Джен на мгновение задумалась, не зная, что возразить, но здравый смысл стал постепенно к ней возвращаться, и она неуверенно предположила:

– Но ведь этот страшный диагноз может не подтвердиться, врачи сказали...

– Не будь наивной! – резко перебил ее незнакомец. – Алкоголь только в огромном количестве может вызвать неправильную реакцию препарата, и то в единичных случаях. Он наркоман, и колется уже несколько лет. Ты ведь даже не удосужилась посмотреть на его руки!

Девушка правда припомнила, что Уффе как будто прятал свои руки от нее, когда одевался, вышел из комнаты. И вроде бы под его загорелой кожей действительно можно было различить нездоровый землистый оттенок вокруг глаз... Уже через пару секунд Дженнифер была убеждена, что этот странный человек говорит правду. Однако еще одна здравая мысль успела проникнуть в ее сознание:

– Ведь это не означает, что я непременно заразилась, мы ...

– Глупости! – На бледном лице незнакомца обозначились морщинки, а подведенные тушью глаза смотрели зло и озабоченно. – Это все сказки! Если ты с ним спала, – он сделал паузу и придвинул свои серые глаза вплотную к лицу Дженнифер, – то ты тоже больна. И нечего надеяться на чудо! Чудо здесь то, что ты встретила меня, а я знаю, как тебе помочь!

Девушка не могла представить, какую помощь может предложить ей этот странный человек. Если болезнь неизлечима, то надеяться не на что. В конце концов, она сама виновата! Джен почувствовала, как запоздалое раскаяние слезами подступает к горлу, и поморщилась, желая отпугнуть непрощенные слезы. Незнакомец, все еще стоявший напротив нее, смягчился, его лицо подобрело, взгляд стал отеческим.

– Бедная девочка, – тихо проговорил он и обнял Джен за плечи. – Так тяжело быть в такой беде совсем одной. – Ее больше не удивляло, что он знает такие подробности ее жизни: она действительно сирота с детства, родители отдали ее в приют совсем маленькой. Сейчас, в свои двадцать пять лет, она как никогда чувствовала свое одиночество. Может быть, поэтому она так легко позволила мимолетному впечатлению обмануть себя этой ночью?..

– Пойдем, по дороге я расскажу тебе, чем могу тебе помочь.

Джен поддалась мягким худым пальцам, и медленно пошла к выходу из прилегающего к клинике парка.

– А как же Камилла! – вдруг испуганно вскрикнула она.

– Камилла? – Опять незнакомец сказал это так, словно отлично знал, кто такая Камилла. – Ты позвонишь ей из замка. Или напишешь письмо.

– Из замка? – Джен была уверена, что ослышалась.

Мужчина откинул со лба белокурую осветленную до мертвенной белизны прядь и тихо засмеялся.

– Я же сказал, все тебе расскажу по дороге.

ГЛАВА 5.

Душераздирающий трезвон заставил Микки подскочить в кровати и в срочном порядке отпустить в небытие голую сексапильную брюнетку, которой он только что настойчиво объяснял, почему сексапильные брюнетки не должны носить одежду. Чертыхнувшись, он нащупал на тумбочке будильник и с размаху швырнул его об пол. Но нестерпимое дребезжание продолжилось. Сообразив, наконец, что с брюнеткой его разлучил вовсе не будильник, Микки нажал кнопку «ответить» на дисплее мобильного телефона.

– Эй, Мик! – Микки узнал радостный голос Тео, гитариста из группы. – Через двадцать две минуты репетиция нашей старой доброй «Бэнд ов лайверс», а от барабанщика и его волшебных палочек ни следа.

Микки уткнулся лбом в подушку и что-то промышчал. Голос из трубки озабоченно поинтересовался, в чем дело, после чего Тео удосужился внятного ответа:

– Прости, дружище, буду через пятнадцать минут.

За обозначенные пятнадцать минут барабанщик успел немало: пропрыгал на одной ноге, натягивая на другую джинсы, из спальни в ванную, затем важно прошагал с зубной щеткой во рту к холодильнику, и через десять минут с бутербродом в зубах и нотной тетрадью и палочками под мышкой садился в такси. Репетиции часто включали в себя пару алкогольных коктейлей, чтобы пробудить в музыкантах чувство ритма, поэтому на своей машине Микки туда не ездил. Устроившись на заднем сиденье такси и назвав адрес, он с аппетитом откусил от бутерброда внушительный кусок.

– Простите, – нарушил его блаженство таксист, – но это нельзя.

– Фто? – с набитым ртом неудобно разговаривать.

– Вы крошите в салоне. – Водитель – педантичного вида индус – с тревогой смотрел на Микки через зеркало заднего вида.

Пришлось проглотить то, что он успел уже откусить. Секунду он колебался, куда деть остальную булку, чтобы водитель не высадил его на полпути, и не придумал ничего лучше, чем запихнуть в рот все, что осталось от бутерброда. Эта находчивость чуть не стоила Микки жизни: коварный кусок не желал проваливаться в желудок и стоял комом где-то в пищеводе. Наконец, он добрался до студии и выпил залпом пол литра воды. Завтрак, хоть и не без приключений, но был засчитан.

Ребята уже все были в сборе. Помимо Микки в «Бэнд ов лайверс» входило еще четыре музыканта: вокалистка Кейт – двадцативосьмилетняя анарексичная блондинка с розовыми прядями в пушистом хвосте, пирсингом в носу и правой брови и многочисленными татуировками, постоянно одетая в причудливые гольфы, перчатки, растянутые майки с черепами и драные джинсовые шорты или мини юбки; гитарист Тео – двадцать шесть лет, худощавый блондин, вертлявый и суетливый в движениях, но мастер гитарного соло. Его подростковая фигурка смотрелась порой нелепо, когда он держал в руках гитару – внушительных размеров электрический инструмент, но стоило ему настроиться на нужный лад, как его мастерская игра покорила фанатов с первых аккордов – то, что он выделял с гитарой на сцене напоминало больше бурную ночь с любимой женщиной. Джонни, бас-гитарист, был в команде самым взрослым – ему было тридцать пять. Высокий, суровый, с аккуратно выбритой испаньолкой, которая делала его подбородок еще более квадратным и внушительным, он был настоящим гигантом. Шутливая ласковая кличка «Джонни» закрепилась за ним, когда он стал носить исключительно кожаные косухи и жилетки, дополненные тремя килограммами металлических клепок. Рамос – клавишник, двадцать восемь лет. Привлекательный, но, несмотря на это, романтик и однолюб. Светлые волосы, собранные в хвостик, орлиный гордый профиль, мрачные татуировки, нарочитая свобода стиля, небрежная сексуальность его образа, созданная пиджаками на голое

тело, сделала его лицом группы для женской половины фанатов. Также Рамос писал стихи, в чем ему помогала Кейт. Между ними сложились прочные приятельские отношения, но если им случалось работать над текстами вместе, то волей-неволей закрадывались подозрения на счет их чисто приятельских отношений.

Микки пожал ребятам руки в два касания – ладони и локтя, нежно, по-братски стиснул Кейт и разразился соло на своей барабанной установке, под конец выступления сильно двинув по «бочке» и пошипев крэшем. Драмкит был хороший – акустическая установка с электронными компонентами, с которой можно было и репетировать, и записывать музыку, и выступать на концертах.

– Начало слащавенькое, а так – очень даже неплохо! – Похвалил импровизацию Тео и протянул Микки нотный лист. – Давай с ритмом определимся.

Лист был исписан нотными значками и кое-где словами. Микки попытался вчитаться в текст, но разобрать каракули Рамоса не смог.

– Озвучь, – он протянул листок Кейт.

Кейт взяла листок и начала тихо напевать, попутно комментируя написанное:

– Песня про бродягу, про то, что некоторые живут как беспризорники. Только это метафора, понимаешь? Я пришел в этот мир, вместе с круглой луной, – она задумалась и посмотрела на Рамоса, потом сказала ему:

– Мне не очень нравится следующая строчка, рифма хорошая, но смысл, может быть, не понятен?

– Читай как есть, Кейт, – попросил ее Микки.

– Хорошо. Я ведь шут, и весь пир хохотал надо мной. Тара-ра-ра, здесь небольшой музыкальный проигрыш, пожалуй, даже соло гитары. Мне достаточно крох, крох с чужого стола. Дальше громче, вступают барабаны. Я счастливым быть мог, да Судьба не дала. Следующая часть должна быть припевом, но мы с Рамосом еще подкорректируем. Руку я протянул, что подали, то взял: здесь немножко любви, там сочувственный взгляд. Громче: здесь немножко любви, там сочувственный взгляд. Я живу, ты смотри, как я пью этот яд. Опять соло, потом музыкальный проигрыш. Но мелодию можно поменять.

– Давайте попробуем, запишем несколько вариантов, потом определимся, – предложил Микки.

– Давайте, тональности разные. Только смысл песни поменяется от мелодии, – заметил Рамос.

– Кейт, микрофон настроил.

– Спасибо, Тео.

* * *

Репетиция затянулась. Несколько часов без перерыва они искали нужный ритм к словам, немного поспорили о манере исполнения, вступительной мелодии, разбивке на куплеты и подпевки. Обедали в студии – заказали китайскую лапшу из ближайшего ресторанчика. В результате более-менее определились, но отрепетировать хотя бы основную часть не получилось – у Кейт то и дело вырывались фальшивые ноты, гитары не понимали друг друга, а барабаны звучали то слишком слабо и неуверенно, то чересчур агрессивно.

Сейчас улицы Вены были относительно спокойны, и Микки сам не заметил, как начал думать о песне, проигрывать в голове эпизоды с репетиции. Философия бродячей жизни подходила ему как ничто другое: он мог с уверенностью сказать, что подписывается под каждым зарифмованным словом. Его жизнь наполнялась всегда именно мимолетными впечатлениями, обрывочными чувствами, и никогда ничто не становилось частью его жизни. Даже любви на его жизненном пути еще не было! И до недавнего времени он был только рад такому ходу

событий, но эта песня вернула его к смутным уже приходившим ему в голову мыслям: ему не хватает этого обычного человеческого чувства. Ребячливо влюбляться в несерьезных красоток на ночь-другую – это приятно и хорошо, но от одиночества не спасает. Да, у него интересная необычная жизнь, мало какой мужчина может похвастаться такой жизнью, но где-то внутри остались пресловутые банальные человеческие потребности: не просто прожить жизнь как интересное приключение, а прожить ее не в одиночестве.

Добравшись до своей квартирке, Микки первым делом включил компьютер. Время от времени людям требовалась его помощь как детектива – последнее время он переориентировался на заочную работу: раздобыть нужную информацию через интернет, проследить работу банковских систем. К своей гордости, он никогда не опускался до банального взлома паролей или примитивных шпионских программ. Он не относил себя к хакерам, но, тем не менее, знакомства среди этих интересных людей у него были. Случалось, он обращался к ним за помощью, но никогда не нарушал границ дозволенного, не лез к ним, что называется, в логово, и за это имел право иногда потревожить их покой своими просьбами.

Среди этих мелких незначительных заказов случались и по-настоящему интересные: после того громкого дела, ставшего для него причиной новой жизни, ФСБ поддерживало с ним негласный контакт. Засекретить канал доступа не было проблемой, и теперь Микки общался с представителями охраны порядка своей родной страны через ящик несуществующей, то есть невидимой непосвященным электронной почты. Эту почту Микки приучил себя проверять первой.

Активировав нужный декодер, он вывел на экран недлинное послание от некоего Бага, за которым скрывался в действительности Андрей Сергеевич Завральский.

Послание даже в раскодированном виде изобиловало непонятными вставками (фрагменты специального кода) и ненужными, усложняющими текст сокращениями знаков препинания. Смысл его сводился к следующему: Микки просили отследить по зафиксированным выходам в сеть один компьютер и выйти на его владельца. Чтобы получить подробную информацию и обговорить детали, ему предлагалось связаться с Багом способом В, который по предварительной договоренности подразумевал разговор по бесхозному не зарегистрированному мобильнику с самим Андреем Сергеевичем.

Дело явно обещало быть интересным. Запросив предварительные координаты пострадавшего от вторжения компьютера (то есть адрес квартиры ученого), Микки вошел в другую почту и ввел в строку адреса длинную числовую комбинацию, после чего всплывшее окно несколько слов на русском языке:

«Беркут, это Шакал. Охота на кита. Нужна помощь». Беркут отозвался почти сразу:

«Сколько?»

Микки помедлил с ответом: нужно было прикинуть примерную стоимость услуги.

«1500», – напечатал он в окошечке. Ответ был так же краток:

«1 день».

Это означало, что за полторы тысячи долларов тот, кто скрывался под псевдонимом Беркут, был готов задействовать свою аппаратуру, чтобы найти нужный Микки компьютер, и планировал потратить на это один единственный день.

Микки отправил Завральскому требование обеспечить компьютеру ученого доступ в интернет через тот же самый кабель на неопределенное время до его следующего выхода на связь, после чего закрыл окна на мониторе и сладко потянулся: когда ты играешь в такие игрушки, взрослеть и страдать от одиночества совсем не хочется.

ГЛАВА 6.

2014 год, Австрия.

В тот день Том рано лег спать. Работа риэлтором измотала его окончательно. Он лег, включил телевизор, взял в свою пустующую после развода кровать пиво и чипсы и устался в экран. Бутылка опустела, и он не заметил, как заснул. Проснулся минут через тридцать оттого, что кто-то громко стучал в дверь кулаком или ладонью, несмотря на то, что звонок висит на видном месте, и не заметить его просто невозможно – предусмотрительный Том об этом специально позаботился. Он встал и, поправив футболку, пошел открывать, пока этот настойчивый и громкий визитер не перебудил и без того недолюбливающих его соседей.

На пороге стояла девушка. Невысокая, худенькая, в поношенных джинсах и никчемной бейсболке, жалкая и несчастная. Ее ребяческая фигурка ссутулилась под тяжестью огромного черного рюкзака. Ярко накрашенные голубые глаза смотрели на хозяина квартиры обреченно.

– Анжелика? – удивленно проговорил он.

– Можно войти? – спросила она вместо приветствия.

Том посторонился, пропуская ее в квартиру. Она неуверенно прошла в гостиную, опустила рюкзак на пол рядом с диваном, а сама села на диван и уставилась в одну точку.

– Что с тобой случилось? – Она как будто очнулась от вопроса, вздрогнула.

– Отец куда-то пропал. Мне кажется, он снова взялся за старое. Его нет четыре дня, в квартиру постоянно кто-то звонит и требует сказать, куда Фил дел деньги. И угрожает.

Девушка перевела на Тома испуганный взгляд.

Фил – это отец Анжелики и сводный брат Тома. Он всю жизнь, сколько его помнил брат, путался с подозрительными личностями, постоянно влипал в какие-то истории. Три года назад он схлопотал срок за пьяную драку и разгром в супермаркете. Он все время где-то пропадает, Анжелику воспитывала мать, если это можно назвать воспитанием: она тоже не очень-то заботилась о благополучии дочери. Когда Филадельфия определили за решетку, она допилась до чертиков и угодила в сумасшедший дом.

– Мне страшно, – еле слышно проговорила Анжелика. – Можно я побуду у тебя?

– Д-да, не вопрос, мы что-нибудь придумаем.

Все еще не оправившийся от неожиданности мужчина ободряюще похлопал девушку по костлявому плечу.

– Давай я тебе постелю, сегодня отдохнешь, а завтра подумаем, как нам быть.

Она согласно кивнула. Том постелил ей на диване, выделил чистое полотенце и пошел спать.

* * *

Утром следующего дня, в субботу, он проснулся раньше обыкновенного. Анжелика уже встала, сходила в душ и теперь сидела перед телевизором на кухне в выцветшей растянутой майке и уплетала хлопья с молоком. Ее длинные русые волосы растрепались и мокрыми кляньями рассыпались по плечам, норовясь угодить в тарелку.

– У меня есть фен, – тихо заметил Том.

– Привет, будешь завтракать, – спросила она, проигнорировав его замечание. – Я подогрела молоко, – с гордостью в голосе добавила она.

– Ненавижу теплое молоко, – он капризно скривил губы. Она улыбнулась.

– Тогда я могу сделать тебе бутерброды, – последовало предложение.

– Нет, спасибо.

Том сел за стол и выплеснул в тарелку остатки холодного молока. После завтрака поставил чайник и перешел к обсуждению их с ней дальнейшей жизни.

– Сколько тебе лет? – спросил он для начала.

– Семнадцать.

– Ага, то есть ты заканчиваешь школу или уже закончила.

– Уже закончила, практически на днях.

– Подала документы в какие-нибудь вузы?

Она замялась.

– Нет. На отца нельзя рассчитывать, и платить за обучение некому, а бесплатных вузов мало, и попасть туда сложно.

– Что значит сложно? Ты вот так сразу отказываешься от такой возможности?

– Не знаю, я, если честно, об этом как-то не думала.

– Молодец, – Том явно начинал чувствовать себя полноправным родителем, – и не думай! Анжелика нахмурилась, и он невольно почувствовал себя занудой.

– Ладно, извини, просто я считаю, тебе уже пора привыкать думать о серьезных вещах. Нельзя опускать руки и ничего не делать.

– Хорошо, я отправлю документы. Наверное, еще не поздно.

Том затарабанил пальцами по крышке стола.

– Давай так, – озвучил он через минуту свои мысли. – Идти тебе все равно некуда, дружки Филя если до тебя доберутся, то не пожалеют. Оставайся у меня. Но с условием: ты станешь готовиться и на следующий год подашь документы на поступление. Я тебе помогу, мы найдем курсы или преподавателей, выберем тебе место.

– Но я не могу сидеть у тебя на шее! – воскликнула девушка. – Я тебе даже не родная племянница.

– Не думаю, что ты за год наешь сухих завтраков на какую-то баснословную сумму, так что здесь совершенно не о чем переживать! – заверил ее дядя.

– А как же твоя личная жизнь? Женщины? – она с любопытством обвела взглядом кухню в поисках следов, оставленных представительницами человеческой элиты.

– О, это точно не проблема! После развода с женщинами я завязал, у меня в них нет ни моральных, ни физических потребностей – я на них не реагирую. Рано, конечно, ко мне пришла старость (все-таки сорок шесть еще не возраст), но, как говорится...

Анжелика улыбнулась, на этот раз сочувствующе.

– Спасибо, Том, – тихо проговорила она и по-детски ласково посмотрела на своего спасителя. – Но я найду работу и буду оплачивать свою долю сухих завтраков.

– Это невероятно щедро с твоей стороны, но уверяю тебя: моя добровольная интеллектуальная проституция достойно оплачивается сутенерами, на благо которых я корячусь.

Она прыснула. На этой веселой ноте они прекратили размышления о таком неестественном положении и приступили к обустройству комнаты для нее. От спальни она наотрез отказалась и предпочла кровати диван. Они съездили в магазин, заказали ей в мебельном шкаф и столик. Когда они проходили мимо зоомагазина, Анжелика замерла у витрины, потом потянула Тома внутрь и совсем по-детски выпросила у него кролика. Том, никогда не имевший детей, почувствовал себя настоящим отцом и не смог отказать.

Его холостяцкая берлога с появлением двух новых обитателей стала совсем человеческим жилищем. Поддавшись новому настроению, он даже вынес и без малейшего сожаления выкинул коллекцию пивных бутылок, которые в течение последних четырех лет бережно выстраивал симметричными рядами вдоль стены в спальне и под кроватью.

ГЛАВА 7.

Ночь была для Микки не спокойной: сначала он долго не мог уснуть, а когда, наконец, ему это удалось, то поспать он смог совсем немного. Он ворочался и сопел, надеясь снова провалиться в сон, но это только взбудоражило его еще больше. Раздосадованный, Микки фыркнул и встал с кровати. Босые ступни неприятно охлаждал кафель в ванной, поэтому он не стал умываться, а лишь плеснул себе в лицо теплой водой, прогоняя остатки сна.

Часы на кухне показывали без четверти четыре. Кофе с бутербродом немного поднял Микки настроение, и он включил ноутбук. Пока грузился компьютер, Микки почувствовал себя совсем хорошо, что и поспешил отметить сладким сэндвичем из ломтя белого батона и варенья.

Беркут сработал на удивление быстро: всего за несколько часов он вышел на компьютер взломщика, запустившего вирус, и теперь Микки читал его отчет. Оказалось, что компьютер физика действительно «цапнул троянца», как выразился Беркут, но не поленился оснастить его дополнительной живучестью и прозрачностью: чтобы распознать его, нужна специальная программа, которая доступна только очень продвинутым пользователям интернета. Этот мутант технического мира, полученный посредством скрещивания трояна и навороченной шпионской программы, скопировал все содержимое жесткого диска и перенаправил на «мертвый» домен – своего рода сейф в виртуальной реальности, в который перекочевала запрашиваемая информация, а потом заинтересованный в ней скачал и стер записи. Но удалить что-то из глобальной сети бесследно совершенно невозможно, поэтому если знаешь, где что искать, найдешь сравнительно легко. Судя по данным, программа копировала информацию в течение восемнадцати часов. Поскольку вряд ли ученый просидел бы столько у компьютера, можно предположить, что прокачали вирус на славу: ему достаточно просто наличия подключения – кабеля или беспроводного, – чтобы активироваться. Очень, надо заметить, удобно!

Несмотря на то, что был IP- адрес отправителя вируса, это только начало работы. Микки взлез через хорошо защищенный паролями сервер на один из своих банковских счетов и перевел обещанную сумму на счет-одноразовку, откуда деньги должны были перекочевать по трем адресам к Беркуту. Потом он зашел в почту и снова отправил сообщение на русском языке: «2500, отследить выход в сеть, пара дней». Попросив, таким образом, следить за связью подозреваемого компьютера с миром, Микки мог попытаться поискать владельца своими способами. Он взломал системы нескольких компаний и крупных магазинов, торгующих компьютерами по всему миру, чтобы выяснить, в какой стране и, если повезет, в каком магазине был куплен данный экземпляр. Он провозился около двух часов, но все-таки нашел, что искал: компьютер был выставлен на продажу два месяца назад в Швеции, в Стокгольме. Теперь можно понадеяться, что продажи этого магазина фиксируются в компьютерной программе, и узнать дату покупки. Судя по товарной карточке, модель навороченная и дорогая, но это не означает, что у купившего спрашивали паспорт, если только он не решил оплачивать покупку именной картой или банковским чеком...

Микки как раз взламывал код доступа, когда его ноутбук слабо крякнул: это аська. Беркут иногда выходил с ним на связь через свой фейковый аккаунт в айсикью, если дело было срочное, и поэтому Микки тут же прочитал сообщение:

«Хай, это Лол», – условленный сигнал заглянуть в «конспиративную» почту.

Беркут сообщал, что наблюдение дало результаты: несколько минут назад подозреваемый подключился к интернету по вай-фай где-то в пригороде Стокгольма, что подтвердило для Микки правильность выбранного подозреваемого. Но для какой цели он вышел в сеть,

было непонятно, хоть Беркут и проследил открытые сайты. Ничего криминального: окно сайта эротических фотографий и доставка пиццы. Однако продвинутое оборудование Беркута нашло что-то еще – тщательно запоролненное и скрытое специальным режимом. К сожалению, докопаться до истины в этот раз не удалось: он вышел из интернета, и охотники разочарованно отступили.

Микки не стал выключать компьютер, посвятив себя вновь брожению по просторам виртуальной реальности. Он проверил статистику посещаемости сайта «Бэнд ов ливерс», ответил нескольким фанатам, убил орду орков и добрался со своей армией до замка Чародея, когда динамики снова тихо крякнули.

Он опять вышел в интернет, но теперь из другого места.

– Надо найти карту и посмотреть местность, – сказал себе Микки и стал читать скудные детали наблюдения. На этот раз Беркут был хорошо вооружен и смог распознать замаскированный сайт – это сайт некрупного частного банка. Теперь у Микки были координаты банка, и когда через несколько минут он выяснил, что банк этот находится на Гавайях, он не очень удивился. Связь наблюдаемого компьютера с интернетом снова прервалась. Но эта виртуальная ниточка к чему-то уже вела.

Подозреваемый выходил в интернет еще два раза, с перерывом в полтора часа между каждым соединением. И каждый раз точка сигнала оказывалась примерно на двенадцать километров в стороне от предыдущей, что существенно затрудняло процесс поимки хозяина компьютера.

Получив подтверждение о третьем посещении банковского сайта, Микки отчитался о результатах Завральскому, со скрытым садистским удовольствием назвав ему стоимость проделанной операции. Завральский же больше думал о том, какие сложности остались еще впереди: теперь агентам придется весь Стокгольм и его окрестности обегать, чтобы поймать воришку, а это время, драгоценное время! Да и привлекать и без того перегруженных работой российских иностранных агентов ему не хотелось. Пришлось отделу еще раскошелиться, а Завральскому выступить в роли просящей стороны, что было противно всей его натуре, но в итоге Микки согласился, и через полчаса, одетый и с мокрыми еще после душа волосами, он запихивал в спортивную сумку смену белья, любимую футболку и ноутбук.

* * *

Рейс Вена-Стокгольм прибыл на десять минут раньше намеченного времени. Микки спустился по трапу и, радуясь, что ему не нужно ждать багаж, беспрепятственно покинул здание аэропорта.

Еда, которую подавали в самолете, оказалась до безобразия символической, поэтому первым делом Микки набрел на кафе, чтобы восстановить силы после перелета и попользоваться бесплатным вай фай.

Беркут доложил, что засек еще одно соединение с интернетом, и снова был банк. Координаты места без карты ни о чем не говорили. К счастью, кафетерий был рассчитан на туристов, и на стойке у двери были карты города и окрестностей. С картой все стало еще непонятнее: выходило, что подозреваемый ездил вокруг южного края города, каждый раз подключаясь к интернету в разных местах. К чему это? Может, он рассчитывает таким образом себя обезопасить? Но если он хакер, в хорошем смысле этого слова, то он должен понимать, что пока у него в руках его компьютер, его можно отследить. А его передвижения дадут ему всего лишь несколько часов форы... Микки задумался и не заметил, как жует пустую вилку. Принесли бифштекс, но сосредоточиться на еде было сложно. Он отставил тарелку с недоеденным мясом и нашел на карте все точки выхода в интернет с компьютера, за которыми они вели охоту. Точки образовали более-менее правильную окружность. Микки нахмурился: здесь явно все было не так просто.

После обеда он решил все-таки доехать до указанных мест – вдруг чем-нибудь это поможет, даст зацепку. Микки не стал много думать о спонсирующей расследование источниках и взял такси. Добрался быстро. На указанном месте действительно были кафе с бесплатным интернетом, их было минимум три. До второй точки ехать было сложнее: мешали заторы на дороге, и водитель такси долго настаивал, что Микки что-то напутал. Причина стала ясна через четверть часа: во второй точке был пустырь, вокруг которого на расстоянии пяти-шести километров не было даже автозаправки. Это открытие сбивало Микки с толку.

Время уже подошло к вечеру: нужно было найти гостиницу. Поэтому Микки поехал снова в город.

Чтобы не тратить зря время и силы, он снял номер в первом попавшемся отеле. Поскольку он разрешил себе не переживать по поводу стоимости, отель оказался очень даже ничего. Двухкомнатный полулюкс убаюкивал приглушенным зеленоватым светом торшеров, а большая мягкая кровать так и манила распластать на ней уставшее и ноющее тело. И Микки поддался соблазну. В течение следующего часа он нежился в горячей ванне, напустив в воду содержимое всех найденных флакончиков с гелем и шампунем. Дремать в горячей воде было очень приятно, и Микки уже сквозь сон отметил, насколько умиротворенными стали его мысли. Намечтавшись вдоволь, он вылез из ванной, замотал бедра полотенцем и в одноразовых гостиничных тапочках пошел включать ноутбук.

Компьютер заурчал, и едва успел загрузиться и поймать сигнал, как Микки открыл почту. Беркут прислал три сообщения – невиданная многословность! Но истинную ценность имело только третье:

«Есть вероятность использования спец радара. Он отводит сигнал по радиусу в четыре стороны, радиус до пятнадцати километров, у него десять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.